

ГЕЗИОДЪ.

Гезіодовская поэзія. Ея хронологическое отношеніе къ поэзіи Гомера. Теогонія. Труды и дни. Мѣны о Пандорѣ и Прометѣѣ. Легенда вѣковъ. Нравственныя правила. Примѣты. Неясности теогоніи. Вопросъ объ Олимпѣ. Смыслъ титаномахіи. Зевсъ Гезіода. Опасности для Зевса въ будущемъ. Эротъ Геката. Демоны. Эсхатологія Гезіода. Гезіодъ и Гомеръ

Ничье имя не ставятъ такъ часто рядомъ съ Гомеромъ, какъ имя Гезіода. Гомеръ и Гезіодъ—соединеніе это такъ обыкновенно, что можетъ получиться впечатлѣніе, что рѣчь идетъ о близнецахъ, о друзьяхъ, о мужахъ дѣйствовавшихъ совмѣстно, наконецъ, о соперникахъ. И это соединеніе именъ идетъ съ глубокой древности, потому что уже Плутархомъ разсказывается въ „пирѣ семи мудрецовъ“ о состязаніи въ стихахъ между Гомеромъ и Гезіодомъ, причемъ побѣда приписывается послѣднему. Можетъ быть эта легенда о побѣдѣ Гезіода возникла изъ стремленія смягчить дѣйствительное положеніе вещей слишкомъ невыгодное для беотійскаго поэта. Блѣдною тѣнью стоитъ Гезіодъ около творца старыхъ и вѣчно юныхъ пѣсней о Еленѣ и Одиссеѣ. Трудно найти образованнаго человѣка, который бы совѣмъ не читалъ Гомера, и трудно найти образованнаго человѣка, который бы читалъ Гезіода.

И однако имя приписываютъ одну и ту же славу и на нихъ возводятъ одно и то же обвиненіе. Гомеръ и Гезіодъ дали грекамъ боговъ, создали греческое богословіе. Вотъ—ихъ общая слава. Гомеръ и Гезіодъ приписали богамъ позорныя дѣянія и тѣмъ внушили людямъ нечестіе. Вотъ—общая вина поэтовъ. По отношенію къ Гомеру эти сужденія имѣютъ нѣкоторыя основанія. Великій создатель эпоса вдохнулъ слишкомъ много жизни въ обитателей Олимпа, облекъ ихъ слиш-

комъ живыми плотью и кровью и вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ жизнь по обычному представленію тѣмъ болѣе жизнь, чѣмъ менѣе она свята, онъ свелъ ихъ съ пьедестала безстрастія въ міръ борьбы и суеты. Онъ ихъ оживилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ихъ унизилъ. Но Гезіодъ?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно прежде всего установить, что должно связывать съ именемъ Гезіода.

Обычно подъ Гезіодомъ разумѣютъ творца теогоніи, т. е. произведенія, главное содержаніе котораго происхождение боговъ. Но вотъ, что пишетъ Павзаній. „Віотійцы, живущіе около Еликона, усвоили такое мнѣніе, будто Исіодъ ничего не написалъ кромѣ „Дѣлъ“ и даже отъ этой поэмы отнимаютъ обращеніе къ музамъ, и говорятъ, что поэма начинается съ того мѣста, гдѣ говорится о враждѣ, и показали мнѣ даже оловянную доску, она лежитъ тамъ, гдѣ источникъ, и сильно попорчена отъ времени, — на которой написаны были „Дѣла“. Но другіе говорятъ совсѣмъ иначе, будто Исіодъ оставилъ очень много стихотвореній, именно: „къ женщинамъ“, такъ называемыя „великія Иэи“, „Теогонію“, „къ предсказателю Мелалтаду“, „какъ Оисей ходилъ въ адъ вмѣстѣ съ Пиріѳеомъ“, „наставленія Хирона при воспитаніи Ахиллеса“, и все, что относится къ „Дѣламъ и днямъ“. Они же говорятъ, что въ Ахарнаніи Исіодъ учился искусству прорицанія. Дѣйствительно, есть поэма подобнаго содержанія, которую я самъ читалъ, и тамъ есть толкованіе чудесъ“ 1). Въ другомъ мѣстѣ своего „описанія Еллады“, цитируя Гезіода, какъ автора „теогоніи“, Павзаній оговаривается: „если только она принадлежитъ Исіоду“ 2). Въ нѣкоторыхъ курсахъ и словаряхъ можно найти прямое утвержденіе, что Павзаній отрицалъ принадлежность теогоніи Гезіоду 3), но приведенныя слова Павзанія показываютъ, что онъ только не былъ увѣренъ въ этой принадлежности. Такое колеблющееся отношеніе къ вопросу объ авторѣ теогоніи въ сущности является страннымъ. Дѣло въ томъ, что въ 22—25 ст. теогоніи авторъ рѣшительно отличаетъ себя отъ Гезіода, говоря о музахъ,

1) Павзанія, Описаніе Еллады Перев. Янчевецкаго IX, 31, 4—5 Стр. 726.

2) Ibid. VIII, 18, 1 Стр. 626.

3) Любкеръ, Словарь классической древности Перев. подъ редакцію Модестова. Стр. 481.

которыя нѣкогда научили прекрасной пѣсни Гезіода, пасущаго агнецвъ у божественнаго Геликона ¹⁾.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что здѣсь подъ Гезіодомъ разумѣется авторъ поэмы „труды и дни“. Этотъ авторъ говоритъ о своемъ отцѣ, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и свою родину (*Ἔργα καὶ ἡμέραι*, 639—640):

Онъ поселился вблизи Геликона въ бѣдномъ селеніи Аскра—злосчастномъ зимою, мучительно тягостнымъ лѣтомъ, и всегда несчастливомъ.

Подножіе Геликона—не Аѣины и не десятки великихъ пѣвцовъ жили тамъ. Но если такъ, то тогда мы получимъ, что Гезіодъ написалъ „труды и дни“, а нѣсколько позже другой поэтъ—теогонію. Труды и дни—произведеніе по этикѣ, теогонія—по богословію, но такъ какъ эти сферы очень родственны между собою, то въ первомъ мы находимъ много богословскихъ элементовъ, во второмъ—немало моральныхъ.

Труды и дни заключаютъ въ себѣ 826 стиховъ. Сущность содержанія ихъ слѣдующая. Послѣ смерти отца при раздѣлѣ наслѣдства Гезіодъ былъ обманутъ или считалъ себя обманутымъ своимъ младшимъ братомъ Персомъ, который подкупилъ судей высказавшихся въ его пользу. Гезіодъ увѣщеваетъ Перса пріобрѣтать себѣ состояніе трудомъ, а не посредствомъ неправды. Можно сказать, что на двухъ тонахъ построяется поэма: то въ ней выражается глубокое негодованіе на поведеніе Перса, то она содержитъ въ себѣ снисходительно-сострадательныя увѣщанія, какъ нужно жить, какъ работать, какими руководиться примѣтами, какими днями пользоваться, какъ счастливыми и какихъ избѣгать, потому что они несчастны.

Теогонія заключаетъ въ себѣ 1022 стиха. Она представляетъ исторію происхожденія міра и боговъ, она опредѣляетъ ранги боговъ, даетъ богословскую систему.

Гезіоду приписываются и другія произведенія. Кромѣ тѣхъ, которыя называлъ Павзаній, должна быть указана поэма „щитъ Геракла“ (*Ἀβλῆς Ἡρακλέους*, 480 ст.). Въ поэмѣ представлена борьба Геракла съ Кикномъ, сыномъ Арея. Въ поэмѣ описывается щитъ Геракла подобно тому, какъ у Гомера опи-

¹⁾ Переводъ Гезіода мы дѣлаемъ по *ΠΕΡΙΟΛΟΓΟ ΠΟΙΗΜΑΤΑ*, издаваемаго Лерса (Lehrs), дополненное Дубверомъ (Dubner) Parisiis. MDCCCXII

санъ шить Ахиллеса. Объ этомъ произведеніи принято думать, что оно относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ „труды и дни“ и „теогонія“.

Для изслѣдованія судебъ греческой религіи не имѣетъ значенія—однимъ или многими авторами были написаны произведенія, носящія теперь имя твореній Гезіода. Для изслѣдованія важно: принадлежатъ ли произведенія эти къ одной эпохѣ и выражаютъ ли одно и то же міросозерцаніе? На этотъ вопросъ, думаемъ, должно отвѣчать утвердительно образно. Теогонія, труды и дни, шить Геракла принадлежатъ одному времени, это время не тождественно съ гомеровскимъ, оно—позднѣе его и отличается отъ него, какъ въ культурномъ, такъ и въ теологическомъ отношеніи. У Гезіода въ его „трудахъ и дняхъ“ есть исторія человѣчества. За третьимъ вѣкомъ въ жизни людей—мѣднымъ послѣдоваль четвертый—вѣкъ героевъ, это—эпоха троянской войны, за четвертымъ—пятый, желѣзный, въ которомъ жилъ и поэтъ. Мы говорили, что гомеровскій эпосъ обнимаетъ собою начало желѣзнаго вѣка. Такъ это оказывается и по хронологической классификаціи Гезіода. За началомъ слѣдуетъ продолженіе. Наступило царство желѣзной культуры, но еще не исчезла и мѣдь. Въ шить Геракла мы находимъ и мѣдное копье и мѣдные сапоги. Мѣдь, положимъ, и не должна исчезать при развитіи культуры, но мѣдныя копья естественно должны уступить мѣсто желѣзнымъ. Шить Геракла касается эпизода имѣющаго связь съ теогоніей, послѣдняя о происхожденіи Геракла говоритъ кратко, первый—подробно. Съ трудами и днями у теогоніи много общаго—напримѣръ, въ повѣствованіи о Прометее. Между этими тремя произведеніями открывается связь по содержанію, въ нихъ обнаруживается единство возрѣній и знаній. Несогласованность между ними не больше той, которую отмѣчаютъ между различными частями гомеровскаго эпоса. Время Гезіода, отличаясь отъ гомеровскаго въ культурномъ отношеніи, отличается отъ него и въ теологическомъ. Это отличіе состоитъ не въ томъ, чтобы какія-либо возрѣнія Гомера смѣнились иными, новыми, нѣтъ, смѣны міросозерцаній не открывается безусловно никакой, да еслибы эта смѣна была или если бы между поэтами было мало-мальски замѣтное разногласіе, то и тогда древность, говоря объ источникахъ свѣдѣній о гре-

ческой религіи, не ставила бы такъ дружественно рядомъ Гомера и Гезіода. Въ томъ, какъ обычно соединяются эти имена, содержится утверженіе, что Гомеръ и Гезіодъ представляютъ собою выразителей одного и того же религіознаго міросозерцанія. И дѣйствительно, Гезіодъ по отношенію къ богословію Гомера является лишь систематизаторомъ и комментаторомъ, излагая нѣкоторые миѳы, на которые у Гомера слышатся намеки. Гезіодъ—не творецъ, онъ—созидатель. Въ его произведеніяхъ не чувствуется творчества и свободнаго полета генія, которые открываются въ иліадѣ и одиссеѣ, такіе пѣвцы, какъ Гезіодъ, не создаютъ новаго и не двигаютъ впередъ человѣчество, но съ своею любовію къ систематизаціи и объясненіямъ, они упорядочиваютъ и дѣлаютъ удобнымъ и легкимъ усвоеніе того, что создано было до нихъ. Безъ сомнѣнія такіе опыты упорядоченія и систематизаціи производились и до Гезіода. Теогонія не могла явиться сразу, какъ Афина изъ головы Зевса, но когда она явилась, о прежнихъ опытахъ было забыто и въ новыхъ повидимому долго не чувствовалось нужды.

Теогоническій процессъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и процессъ космогоническій, Гезіодъ представляетъ слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего былъ хаосъ. Потомъ—широкогрудая земля, вѣчно непоколебимая опора для всѣхъ (безсмертныхъ, населяющихъ вершину снѣжнаго Олимпа) и мрачные тартары въ глубинѣ обширной земли. А также былъ Эроть—наипрекраснѣйшій между богами и разрѣшающій скорби боговъ и людей, который укрощаетъ въ груди сердце и подаетъ благоразумные совѣты. Отъ хаоса произошли Эребъ и черная ночь. Отъ ночи родились эфиръ и день. Она произвела ихъ, соединившись любовію съ Эребомъ. Земля прежде всего произвела равное себѣ украшенное звѣздами небо, чтобы оно покрывало ее всю и чтобы было всегда непоколебимымъ жилищемъ для блаженныхъ боговъ. Родила она высокія горы—пріятныя жилища богинь нимфъ, обитающихъ въ лѣсистыхъ горахъ. Также родила безплодную съ вздымающимися волнами пучину, которая называется Понтъ, но безъ сладкой любви. Потомъ возлегши на ложе съ Ураномъ (небомъ), она родила глубокопучинный океанъ, Кія, Крія, Иперіона и Ялета, Ѳею, Рею, Ѳемиду и Мнемозину, златовѣчную Фиву и лю-

безную Тиеу. Послѣ же всѣхъ нихъ родился самый младшій Кронъ, хитроумный и самый жестокий изъ рожденныхъ. Онъ ненавидѣлъ цвѣтушаго отца (116—138). Кромѣ этого Гея (земля) произвела циклоповъ (Вронта, Стеропа и Арга) названныхъ такъ, потому что они имѣли одинъ глазъ по срединѣ лба. Еще она родила могучихъ Котта, Бриарея и Гига, у которыхъ было по сту рукъ и по пятидесяти головъ. Этихъ дѣтей Уранъ скрывалъ во внутренности земли и не пускалъ на свѣтъ. Возмущенная этимъ Гея, какъ только явилось желѣзо, сковала серпъ и дала его Крону, чтобы онъ отмстилъ беззаконному отцу. Кронъ оскотилъ Урана. Изъ кровавыхъ капель произошли эриниѣи, гиганты, нимфы меліи и изъ самыхъ членовъ брошенныхъ въ море и образовавшихъ около себя пѣну возникла пѣнорожденная Афродита. Она называется киеерской, потому что явилась на Киеерѣ, и носитъ имя киприды, потому что родилась въ водахъ окружающихъ Кипръ. Пораженный Уранъ, назвавшій своихъ сыновей титанами, предсказалъ, что и ихъ нѣкогда постигнетъ мщеніе.

Мрачная ночь, не соединившись ни съ кѣмъ, родила ненавистный рокъ и черную Керу, смерть, сонъ и сновидѣнія. Она родила Мома и скорбь и Гесперидъ стерегущихъ золотыя яблоки и мойръ и керъ—Клото, Лахезу и Атропу, подающихъ добро и зло рождающимся смертнымъ и карающихъ за каждый грѣхъ. Она родила Немезиду—карающую смертныхъ, родила лукавство, дружбу, тяжелую старость, упрямую вражду. Ненавистная вражда родила тяжелый трудъ, забвеніе, голодъ, порождающія слезы болѣзни, войны, убійства, битвы, пораженіе мужей, ссоры, лживыя рѣчи, двуязычіе, беззаконіе, грѣхъ (*ἄτης*)—грѣхи всѣ дружны между собою—и клятву приносящую много горя тѣмъ, кто нарушаетъ ее по своей волѣ.

Понтъ родилъ Нерея. Отъ Нерея и Дориды, дочери океана, родилось много богинь, въ томъ числѣ Амфитрита и Фемиды. Отъ другихъ подобныхъ союзовъ явились греи (сѣдые), горгоны, изъ головы отсѣченной у одной горгоны вышелъ конь пегасъ. Явилась Эхидна—наполовину нимфа—румяная и черноглазая, наполовину—ужасный змѣй. Она имѣла союзъ съ бурнымъ вѣтромъ Тифономъ и съ трехглавымъ Гиріономъ. Она родила пятидесятиголоватаго цербера, лернейскую

гидру, страшную химеру, у которой были три головы—льва, козы и дракона, отъ химеры произошелъ немейскій левъ. Тива родила океану множество рѣкъ—Нила, Алфея, Ахелоя... и божественнаго Скамандра. Тива родила и дочерей и въ ряду ихъ—Европу, Азію, Каллирою, любезную Калипсо, Тихе (счастье) и Стиксъ. Отъ Иперіона Тейя родила солнце и свѣтящую луну и зарю всѣмъ подающую свѣтъ. Заря отъ Астрея, сына Крія, родила Зефира, Борея, Нота и Денницу и другія блестящія звѣзды. А Стиксъ отъ Палланта, тоже сына Крія, родила ревность, побѣду, мужество и великодушіе. Фива родила отъ Кія Гекату. Зевсъ почтилъ Гекату надъ всѣми. Онъ далъ ей богатые дары, чтобы она имѣла власть надъ землею и моремъ. И отъ неба она получила честь, (и нынѣ кто изъ людей совершаетъ по закону прекрасные священные обряды, онъ призываетъ Гекату и она благосклонно пріемлетъ молитвы и щедро одаряетъ молящагося). Ничего у Гекаты не отнялъ сынъ Крона изъ того, что получила она между титанами—первѣйшими богами. Геката даетъ сіять въ собраніяхъ тому мужу, которому благопріятствуетъ, помогаетъ въ браняхъ, кому хочетъ, сидитъ на судѣ. Помогаетъ всадникамъ и мореплавателямъ, которые призываютъ ее. Даетъ и отнимаетъ богатство. Умножаетъ скотъ. Воспитываетъ юношей.

Рея родила Крону Истію, Деметру, Геру, Аида, Посейдона (Эяносигея) и Зевса, отца боговъ и людей. Кронъ пожиралъ ихъ всѣхъ, потому что зналъ, что по опредѣленію великаго Зевса, ему суждено быть побѣжденнымъ собственнымъ сыномъ. Рея возмущенная Крономъ, какъ земля Ураномъ, когда настало время родить Зевса, удалилась на Критъ, гдѣ и скрыла рожденнаго сына, а Крону дала огромный камень обвитый пеленками, который Кронъ и проглотилъ.

Япетъ отъ Климены, дочери океана, родилъ Атланта, Менетія, Прометея и Эпиметея. Послѣдній принесъ страшный вредъ людямъ, потому что онъ первый взялъ женою созданную Зевсомъ дѣву. Менетія за нечестіе Зевсъ поразилъ молніею и низвергнулъ въ Эребъ. Атлантъ головой и руками на предѣлахъ земли поддерживаетъ небо. Прометея Зевсъ сковалъ и напустилъ на него орла, который терзалъ его печень. Ночью печень выросла настолько, насколько была съѣдена орломъ въ теченіе дня. Гераклъ убилъ орла и освободилъ

Прометея. Это было совершено не безъ воли олимпійскаго Зевса, желавшаго славы Гераклу. Ранѣе Зевсъ гнѣвался на Прометея. Нѣкогда въ Миконѣ (*Μηκώνη*, Шантепи полагаетъ: Микенахъ ¹⁾), но вѣроятно: на миконскомъ островѣ въ цикладахъ) разсорились боги и люди. Прометей принесъ въ жертву вола, раздѣливъ его на двѣ части: мясо и жиръ онъ прикрылъ воловьими внутренностями, а кости покрылъ прекраснѣйшимъ жиромъ. Зевсъ, смотря на жертву, сказалъ, что Прометей раздѣлилъ беззаконно. Прометей предложилъ Зевсу взять, какую ему угодно часть. Зевсъ, зная хитрость Прометея, взялъ кости и въ наказаніе за хитрость лишилъ людей огня. Прометей похитилъ огонь въ выдолбленномъ сосудѣ и доставилъ людямъ. Тогда Зевсъ приказалъ Гефесту создать изъ земли прекрасную дѣву. Афина украсила ее всѣмъ. Отъ этой дѣвы произошелъ гибельный родъ и полъ женъ, которыя приносятъ великій вредъ смертнымъ, являясь товарищами ихъ въ роскоши, но не въ злосчастной нищетѣ.

Зевсъ повелъ борьбу противъ титановъ. Онъ освободилъ порожденіе Крона, привлекая на свою сторону гекатонхейровъ—сторукихъ и пятидесятиголовыхъ Гига, Котта и Бриарей. Послѣ долгой и упорной борьбы титаны были побѣждены и низвергнуты въ тартаръ.

Тартаръ отстоитъ отъ поверхности земли настолько, насколько земля отстоитъ отъ неба. Мѣдная наковальня брошенная съ неба черезъ девять сутокъ на десятыя достигаетъ земли, брошенная съ земли черезъ такое же время достигаетъ тартара. Вокругъ тартара мѣдная ограда. Далѣе вокругъ него распространяется въ три ряда ночь, надъ тартаромъ растутъ корни земли и бесплоднаго моря. Сюда въ мѣсто полное мрака на край обширной земли волею тучегонителя Зевса нисброшены боги титаны. Выхода нѣтъ имъ. Посейдонъ оградилъ его мѣдными воротами, отвсюду обставилъ стѣною. Тамъ живутъ Гигъ, Коттъ и великодушный Бриарей—вѣрные стражи эгидодержавнаго Зевса. Здѣсь начало и конецъ (*πῦρ καὶ πείρατα*) темной земли, мрачнаго тартара, бесплоднаго моря и звѣзднаго неба — мрачные и ужасные, которыхъ ненавидятъ самые боги. Великая про-

¹⁾ Шантепи-де-ля-Соссей, Исторія религій Перевъ подъ редакцію Линда Т. II, стр. 270

пасть находится тамъ. И никто, вошедши въ нее чрезъ ворота, въ теченіе цѣлаго года пути не достигнетъ земли. Но туда и сюда носить его могучая буря (тягостная, ужасная даже богамъ. И тамъ стоитъ ужасный домъ темной ночи покрытый черными облаками). Впереди ихъ стоя сынъ Япета твердо держитъ головою и неутомимыми руками широкое небо, гдѣ ночь и день, слѣдуя другъ за другомъ, вытѣсняють другъ друга, попеременно переходя великій мѣднй порогъ. Когда хочеть войти день, уходитъ ночь, но никогда не удерживаетъ ихъ обоихъ вмѣстѣ внутри. Но всегда, когда одинъ внѣ дома проходитъ надъ землею, другая, находясь въ домѣ, ждетъ своего времени для пути, когда придетъ. (День разсылаетъ живущимъ на землѣ многорадостный свѣтъ, ночь покрытая темнымъ облакомъ держитъ въ рукахъ сонъ, близнеца смерти). Здѣсь дѣти темной ночи, страшные боги—сонъ и смерть имѣють жилища. И никогда блестящее солнце, восходя по небу или спускаясь съ него, не достигаетъ ихъ своими лучами. Но первый (сонъ) пріятенъ людямъ. Другой, имѣющій желѣзное сердце и мѣдную грудь, непріятенъ самимъ богамъ.

Тамъ впереди стоятъ звучація палаты подземнаго бога храбраго Аида и страшной Персефоны. Страшный, свирѣпый песь охраняетъ ворота. Онъ имѣетъ злую манеру: ласкается ко входящимъ, выражая привѣтъ хвостомъ и ушами и никого не выпускаетъ назадъ, но сторожа, пожираетъ всякаго, кого только схватитъ за воротами (чертоговъ храбраго Аида и страшной Персефоны).

Тамъ живетъ ненавистная безсмертнымъ богиня Стиксъ, старшая дочь кругомъ обтекающаго океана. Отдѣльно отъ боговъ живетъ она въ великолѣпныхъ покрытыхъ камнями чертогахъ, серебряныя колонны которыхъ упираются въ небо; изрѣдка сюда залетааетъ дочь Фавманта быстроногая Ирида, когда богамъ при ихъ спорахъ требуется священная стиксова вода.

Въ тартарѣ живутъ титаны. Коттъ и Гигъ живутъ въ областяхъ Зевса у начала океана. Бріарея Посейдонъ сдѣлалъ своимъ зятемъ, выдавъ за него свою дочь Кимополію.

Послѣднимъ порожденіемъ земли отъ тартара былъ Тифоей. Онъ обладая страшною силою рукъ и ногъ, имѣлъ на затылкѣ сто драконовыхъ головъ съ черными языками и

огненными глазами. Изъ пастей ихъ то раздавались голоса, которые разумѣютъ боги, то ревъ быка, то рыканье льва, то лай щенковъ, то рѣзкіе звуки, отдающіеся эхомъ въ горахъ. Тифоей могъ стать повелителемъ безсмертныхъ и смертныхъ, но Зевсъ выступилъ противъ него. Началась страшная борьба. Земля колебалась до основаній, суша, море и небо загорѣлись и трепетали даже обитатели айда. Зевсъ низвергъ чудовище въ широкой тартаръ. Отъ Тифоея произошли вѣтры кромѣ Нота, Борейя и Зефира. Эти вѣтры приносятъ пользу людямъ. Но вѣтры Тифоея несутъ лишь вредъ и гибель.

По окончаніи борьбы съ титанами боги по совѣту земли отдали власть олимпійскому Зевсу, а онъ распредѣлил между ними права и власть.

Первою женою Зевсъ взялъ Миту (*Μῆτις*—мудрость, мысль)—мудрѣйшую среди боговъ и людей. Когда она должна была родить богиню Аѳину, Зевсъ (текстъ неясенъ, въ подлинникѣ нѣтъ слова Зевсъ) по совѣту земли и звѣзднаго неба скрылъ ее въ своемъ чревѣ. Земля и небо полагали, что царской чести никто не долженъ имѣть кромѣ Зевса. А было опредѣлено (*εἰσαγο*), что отъ Миты родятся мудрыя дѣти—сначала сѣроглазая дѣва Тритогенія, равная отцу въ мужество и совѣтъ, а потомъ сынъ, который долженъ стать царемъ боговъ и людей. Тогда Зевсъ скрылъ ее въ свое чрево, чтобы богиня сказала ему, что добро и что зло. Потомъ Зевсъ взялъ себѣ въ жены Фемиду (богиню правосудія), которая родила ему горь (времена), законность и справедливость и цвѣтушую Ирину (миръ), она же родила Мойру (*μοῖρα*), которой величайшую честь сообщилъ Зевсъ, Клото, Лахезу и Атропу, подающихъ смертнымъ добро и зло. Отъ дочери океана Эврикомы Зевсъ родилъ харитъ—Аглаю, Евфросину и Фалию, глаза ихъ возбуждаютъ любовь. Отъ Деметры Зевсъ родилъ Персефону, которую отъ матери похитилъ Аидъ. Далъ ему это премудрый Зевсъ. Потомъ Зевсъ полюбилъ Мнемозину и родилъ отъ нея девять музъ, которымъ пріятны пиры, веселье и пѣсни. Лето (Латона) родила Зевсу Аполлона Артемиду. Последнею Зевсъ взялъ себѣ въ жены цвѣтушую Геру. Она родила ему Гебу, Арее и Илию (*Ἠλέϊθιαν*—богиню родовъ). Изъ своей головы Зевсъ родилъ Тритогенію. Гера родила ему еще Гефеста.

Эннисигей (Посейдонъ) отъ Амфитриты родилъ Тритона,

владычествующаго надъ морскимъ дномъ. Арю Каэерія родила боговъ—страхъ и ужасъ. Ему же она родила Гармонію, съ которою соединился Кадмъ. Маія, дочь Атланта, родила Зевсу—вѣстника боговъ Гермеса. Семела, дочь Камда, родила Зевсу веселаго бога Діониса, смертная родила безсмертнаго. Теперь и Семела и Діонисъ находятся среди боговъ. Алкмена родила Зевсу Геракла. Гефестъ взялъ себѣ женою младшую изъ харитъ — Аглаю. Златокудрый Діонисъ сдѣлалъ своею супругою дочь Миноса—Аріадну. Она стала безсмертною и нестарѣющеюся по волѣ Зевса. Гераклъ по совершеніи своихъ тяжелыхъ подвиговъ взялъ себѣ женою стыдливую Гебу на избилующемъ снѣгомъ Олимпѣ. Персія, дочь океана, родила солнцу Цирцею (*Κίρκη*) и Эита. Эить, взявши супругою дочь океана Идію, родилъ Медею.

Безсмертныя богини дѣлали своими супругами смертныхъ. Деметра, соединившись съ Язіономъ на критской землѣ, родила Плутоса (богатство). Гармонія родила отъ Кадма Ину, Семелу, Агаву, Автоною, которую взялъ Аристей, и Полидора въ Фивахъ. Дочь океана Каллироя отъ Хризаора родила Гиріона, котораго убилъ Гераклъ. Зоря родила Тиеону Мемнона, царя Эѳіоповъ, и царя Имаѳіона. Отъ Кефала Зоря родила Фаетона, котораго Афродита, похитивъ, сдѣлала ночнымъ стражемъ божественныхъ храмовъ и божественнымъ демономъ. Сынъ Эзона (Язонъ) по окончаніи своихъ тяжелыхъ подвиговъ взялъ съ собою на корабль Медею, дочь Эита, и сдѣлалъ своею супругою. Медея родила ему Мидію, котораго по волѣ Зевса воспиталъ на горахъ Хиронъ филиридскій, изъ дочерей Нереея Псамоеа отъ Эака родила Фока. Фетида отъ Пелея родила Ахиллеса. Киверская (богиня Афродита) отъ Анхиза родила Энея. Дочь солнца Цирцея отъ Одиссея родила Агрія и храбраго Латина, которые владычествовали надъ всѣми тирсинцами (тирренцами). Калипсо родила отъ Одиссея—Навзиою и Навзиною.

Таково содержаніе теогоніи, изложенной нами съ незначительными сокращеніями.

„Труды и дни“ хронологически предшествуютъ теогоніи, но то, что они имѣютъ своимъ содержаніемъ, хронологически слѣдуетъ за теогоніей. „Труды и дни“ имѣютъ своимъ предметомъ людей, а люди явились послѣ боговъ. Большая часть „трудовъ и дней“ не имѣетъ отношенія къ религіи.

О трудахъ и дняхъ полагають, что они написаны Гезіодомъ по личному поводу—изъ за споровъ о наслѣдствѣ. Текстъ поэмы, какъ мы видѣли, утверждаетъ этотъ взглядъ. Но вотъ какой вопросъ возникаетъ? Не выдуманъ ли сюжетъ поэмы? У насъ спросять: какія для этого основанія? Ихъ, думаемъ, даетъ содержаніе поэмы. Въ поэмѣ слишкомъ быстры переходы отъ отношенія негодующаго къ отношенію сострада-тельному. Для человѣка возмущающагося и радующагося по поводу представленій такіе переходы возможны, но тому, кто дѣйствительно обиженъ и возмущенъ обидой, трудно давать своему обидчику благодушные совѣты о мореплаваніи. Эту мысль, что сюжетъ поэмы выдуманъ, мы высказываемъ въ видѣ предположенія. Мы не настаиваемъ на ней и для вы-ясненія религиозныхъ представленій гезіодовскаго времени то или иное рѣшеніе вопроса о сюжетѣ поэмы не имѣетъ значенія.

Въ теогоніи говорится о созданіи Гефестомъ по волѣ Зевса изъ земли дѣвы, которая принесла великій вредъ людямъ. „Труды и дни“ дополняютъ этотъ рассказъ новыми чертами. Гефестъ создалъ дѣву съ человѣческимъ видомъ и голосомъ подобную богинѣ. Аѳина научила ее женскимъ занятіямъ и искусству ткать. Афродита окружаетъ ея голову опьяняющей прелестью, возбуждающей желанія и страданія, она внушаетъ ей безпредѣльную страсть къ заботамъ объ украшеніяхъ. Гермесъ по повелѣнію Зевса даетъ ей духъ безстыдный и порочный, надѣляетъ ее пріятной, убѣдительною и лживой рѣчью и легкими нравами. Пенео, богиня убѣжденія, горы и хариты увѣнчали ее. Гермесъ даетъ ей имя и называетъ Пандорою, потому что всѣ боги истощили на нее свои дары во вредъ людямъ.

Зевсъ послалъ Гермеса съ Пандорою къ Эпиметею. Эпи-метей и не подумалъ о приказаніи Прометея отослать этотъ даръ Зевсу обратно, чтобы не произошло зла людямъ. Но принявъ Пандору, онъ почувствовалъ, какое зло оказалось въ его рукахъ. Прежде этого люди жили, не зная скорбей, безъ великихъ трудовъ и болѣзней. Но женщина, открывъ своими руками крышку у ящика, разсѣяла ихъ и тѣмъ причинила людямъ великое горе. Одна только непобѣдимая надежда осталась въ ящикѣ, потому что по совѣту Зевса жен-щина скоро захлопнула крышку. Но безчисленные виды зла

водворились среди людей, потому что наполнена зломъ земля, полно имъ море (*Πλείη μὲν γὰρ γαῖα κακῶν, πλείη δὲ θάλασσα*, 101).

Въ повѣствованіи о пяти вѣкахъ, непосредственно примыкающемъ къ миѳу о Пандорѣ, Гезіодъ представляетъ, какъ міръ постепенно достигъ настоящаго печальнаго положенія вещей.

Безсмертные, занимающіе дома Олимпа, прежде всего сотворили золотой родъ мыслящихъ (*μυρόπων*) людей. Это было при Кронѣ, когда онъ царствовалъ на небѣ. Подобно богамъ жили эти люди счастливою жизнью безъ заботъ и труда. Не приходила къ нимъ жалкая старость. Будучи между собою равны и подобны, наслаждались они въ пиршествахъ внѣ всякихъ золъ. И умирали они такъ, какъ будто отходили ко сну. У нихъ было все. Безъ всякой работы тучное поле приносило имъ обильные плоды. Спокойно, мирно и счастливо каждый день кончали они свои дѣла (любезные блаженнымъ богамъ). Послѣ того какъ этотъ родъ покрыла земля, по волѣ великаго Зевса они стали благими (*ἑσθλοί*) демонами, обитающими на землѣ и охраняющими людей. Незримые, всюду ходя по землѣ, они видятъ правыя и неправыя дѣла и подаютъ блага. Такую царскую честь они получили.

Затѣмъ обитающіе на Олимпѣ создали другой серебряный родъ, гораздо худшій, чѣмъ золотой, и не похожій на него ни видомъ, ни разумомъ. По сту лѣтъ эти люди пребывали во младенчествѣ на попеченіи у заботливой матери. Достигши зрѣлости жили недолго, приобрѣтая преждевременныя болѣзни влѣдствіе своего безразсудства. Они вступали въ распри, буйные и дерзкіе наносили другъ другу обиды, не хотѣли почитать боговъ и не приносили имъ жертвъ на священныхъ алтаряхъ. Разгнѣванный Зевсъ истребилъ ихъ, и ихъ покрыла земля. Они называются блаженными подземными смертными вторыми. Но и имъ подобаетъ честь.

Зевсъ создалъ третій родъ мѣдный, ни въ чемъ не похожій на серебряный. Изъ ясеня создалъ онъ этотъ родъ надменный и крѣпкій. Дѣла Арея, своеволие, насиліе служили этимъ людямъ отрадою и утѣхой. Не ѣли они хлѣба. Твердо, какъ алмазь, и неукротимо было ихъ сердце. Были они исполинами непомерной силы, оружіе ихъ было изъ

мѣди. Они строили мѣдные дома и работали мѣдью. Чернаго желѣза не было тогда. Дикіе, войнолюбивые, они истребили другъ друга и безъ имени сошли въ широкій домъ холоднаго ада. Жестокая смерть ихъ настигла, и они лишились блестящаго свѣта солнца.

Послѣ того, какъ и этотъ родъ скрыла земля, Зевсъ создалъ четвертый болѣе справедливый и доблестный божественный родъ героевъ, которые называются полубогами. Ужасная война и кровавыя битвы погубили ихъ. Одни погибли у семивратныхъ Тивъ на землѣ Кадма, воюя за стада Эдипа. Другіе переплывшіе широкое море изъ-за прекрасноволосой Елены пали подъ Троей. По смерти Зевсъ поселилъ ихъ далеко отъ жилищъ людей и безсмертныхъ у предѣловъ земли, у потоковъ океана. Надъ ними властвуетъ Кронъ. Тамъ они ведутъ безъ заботъ блаженную жизнь, и земля три раза въ годъ приноситъ имъ сладкіе плоды.

О если бы я, говорить поэтъ, не долженъ былъ жить при пятыхъ людяхъ! Или прежде бы умеръ или послѣ родился. Теперь живетъ желѣзный родъ людей. Ни днемъ, ни ночью люди не имѣютъ покоя. Тяжкія заботы наложили на нихъ боги. Но однако и здѣсь ко злу примѣшано нѣкоторое добро. Зевсъ погубить и этотъ человѣческій родъ, когда рожденные будутъ съ сѣдинами на вискахъ. Отецъ не будетъ въ согласіи съ дѣтми, точно также и дѣти. У хозяина нѣтъ согласія съ гостемъ, у друга съ другомъ, и братъ не любитъ болѣе брата, какъ прежде. Скоро станутъ презирать старѣющихся родителей, нечестивые будутъ поносить ихъ злословіемъ, не думая о мщеніи боговъ, будутъ неблагодарны къ родительскимъ заботамъ. Насиліе всюду. Одинъ у другого отнимаетъ городъ. Не будетъ уваженія ни къ благочестивому, ни къ справедливому, ни къ доброму. Болѣе будутъ въ почетѣ поступающіе дурно и вѣроломные. Правды и стыда не будетъ въ людяхъ. Злой будетъ приносить вредъ лучшему мужу, говоря лживое, клянясь вѣроломно. Темная зависть съ отвратительнымъ взоромъ, радуясь злу, будетъ сопутствовать всѣмъ жалкимъ людямъ. И тогда-то отъ земли къ олимпу отойдутъ къ роду безсмертныхъ, оставивши людей, облекшія прекрасное тѣло бѣлыми одеждами стыдливость и справедливая кара (*Aidos kai Nemebeis*). Людямъ останутся въ удѣлъ тяжкія скорби. Не будетъ защиты отъ зла.

Торжество зла—таковъ заключительный аккордъ міровой исторіи по Гезіоду. Онъ далъ исторію міра, боговъ и чело-вѣчества. Первый моментъ въ исторіи бытія,—это—царство физическаго мрака, послѣдній—царство мрака нравственнаго (зла). Но Гезіодъ повидимому принадлежалъ къ числу тѣхъ пророковъ, которые не смущаются безотрадностью рисуемыхъ ими перспективъ. Его легенда о пяти вѣкахъ не подсказала ему никакой доктрины похожей на ученіе Будды. Оставивъ широкіе аспекты прошедшаго и будущаго и обратясь къ повседневной дѣйствительности, онъ выступаетъ, какъ самый заурядный моралистъ и какъ любитель давать совѣты, претендующій на то, что онъ понимаетъ и знаетъ все лучше, чѣмъ другіе.

Зевсъ далъ законъ, по которому твари пожираютъ другъ друга, но людямъ онъ далъ правду (*δίκη*, 277) и говорящихъ правду и живущихъ по правдѣ награждаетъ Зевсъ. Несоблюдающихъ правды, которая должна осуществляться какъ по отношенію къ безсмертнымъ, такъ и смертнымъ, Зевсъ наказываетъ. При этомъ наказаніе, по утверженію Гезіода, часто бываетъ гораздо шире преступленія. Кроноидъ за одного злого челоуѣка, совершающаго грѣхи и беззаконія, поражаетъ цѣлый городъ, насылая голодъ, моръ, отъ которыхъ гибнутъ цѣлые народы.

Впрочемъ правда, которую нужно соблюдать, оказывается довольно простою. Богамъ жертвы нужно приносить чисто и въ жертву предлагать чистыхъ животныхъ, иногда и хлѣбы, чтобы расположить ихъ духъ къ себѣ и чтобы они подавали различныя блага. На свои пиры нужно звать друзей и не звать недруговъ. Нужно заботиться о томъ, чтобы имѣть добраго сосѣда. Злыхъ прибылей должно избѣгать: они равны убыткамъ. Любящаго нужно любить, помогающему помогать, но тому, кто не даетъ самъ, давать не должно. Должно остерегаться льстивой и разряженной жены. Кто надѣется на жену, тотъ надѣется на воровъ. Только одинъ сынъ сохранить отцовское добро. Около тридцати лѣтъ челоуѣкъ долженъ вступать въ бракъ. Въ супружество нужно брать дѣвицу живущую близко, которую можно узнать хорошо, чтобы потомъ своею женитьбой не подать сосѣдямъ повода для смѣха. Нѣтъ ничего лучше для мужа, какъ добрая жена, и нѣтъ ничего хуже жены, которая зла

и любить роскошь, она сушитъ мужа безъ огня и прежде-временно приводитъ къ старости.

Въ дѣлахъ своихъ нужно различать счастливые и несчастные дни. Самый счастливый день въ мѣсяцѣ—тридцатый. Священны первый, четвертый и седьмой день мѣсяца. Послѣдній, потому что въ седьмой день Лето родила Аполлона. Въ тринадцатый день должно опасаться начинать сѣвъ какого бы то ни было жита. Пятый, пятнадцатый и двадцать пятый день несчастны, потому что, говорятъ, въ теченіе ихъ ходятъ эринни, наказывая клятвопреступниковъ. Девятый день безвреденъ. Четырнадцатый день—самый священный. Послѣ двадцатаго числа мало хорошихъ дней. Жену приводитъ въ домъ должно въ четвертый день, руководясь гаданіемъ по птицамъ. Иные люди хвалятъ иные дни. Немногіе знаютъ истину. Одинъ и тотъ же день порою бываетъ матерью, порою мачихою. Блаженъ и счастливъ тотъ, кто знаетъ все, наблюдаетъ гаданія, невиновенъ передъ безсмертными и избѣгаетъ преступленій.

Поэзія Гезіода носитъ наименованіе дидактической, т. е. научающей. Конечно, всякая поэзія чему-нибудь научаетъ и есть много созданій недидактической поэзіи, изъ которыхъ можно научиться большому, чѣмъ у Гезіода. Но дидактическая поэзія характеризуется на самомъ дѣлѣ не тѣмъ, что научаетъ, а тѣмъ, что имѣетъ претензію научать. Цѣль ученія она ставитъ ясно и открыто, и языкъ поэзіи авторитетенъ. Въ наше время къ какой бы аудиторіи ни обращался лекторъ, онъ обычно говоритъ: милостивые государи! Гезіодъ къ лицу, которому посвящаетъ свои „труды и дни“, не стѣсняется обращаться такъ: „о глупый Персъ!“ Авторъ твореній увѣренъ въ двухъ истинахъ: 1) что онъ знаетъ истину и 2) что ее знаютъ очень немногіе. Но истина не есть его открытіе, а есть полученное имъ преданіе.

Но преданій было много. Привести ихъ къ единству было чрезвычайно трудно. Гезіодъ въ общемъ выполнилъ эту трудную задачу. У него остались только неясности въ главнѣйшемъ—неизбѣжныя, потому что послѣднія основанія вещей не могутъ быть представлены ясно, и противорѣчія въ деталяхъ. Такъ, у него мрачная ночь родила мойръ и керъ-Клото, Лахезу и Атропу, потомъ эти же самыя божества судьбы представляются потомствомъ Зевса и Темиды. Въ

этихъ двухъ генеалогіяхъ мы видимъ выраженіе двухъ различныхъ идей. По первой генеалогіи божества судьбы суть порожденіе мрака, судьба человѣка, значить, не можетъ быть выяснена, не опредѣляется разумными основаніями, по второй генеалогіи божества судьбы—порожденія верховнаго бога и богини правосудія, судьба человѣка опредѣляется слѣдовательно его поведеніемъ. Въ первой генеалогіи скрытымъ образомъ отрицается связь между счастіемъ и судьбою, во второй генеалогіи явно эта связь утверждается.

Неясности теогоніи начинаются съ ея рѣчи о началѣ всего. Какъ понимать эти термины: хаосъ, эребъ, ночь, эфиръ, день? Возможны повидимому три предположенія, 1) что это—боги, 2) что это—космическія начала лишеныя разумно-моральныхъ качествъ, 3) что это—просто олицетворенія. Позволительно думать, что прежде всего это—реальности. Олицетворенія всегда представляютъ собою нѣчто выводное и производное, но хаосъ, эребъ сами производятъ многое. Но какія это реальности—стихійныя или сознательно-разумныя? На этотъ вопросъ отвѣтить труднѣе и можетъ быть самый вопросъ, чтобы былъ возможенъ на него отвѣтъ, долженъ быть видоизмѣненъ. Съ точки зрѣнія древне-арійской и можетъ быть древне-человѣческой все одушевлено, всякое движеніе предполагаетъ собою стремленіе, желаніе, тоску по другому. Индійская философія разработала положеніе, что бытіе возникаетъ и сохраняется вслѣдствіе желанія бытія. Но въ Индіи это желаніе разсматривалось, какъ патологическое, и осуществленіе его въ браманизмѣ фигурально представлялось, какъ противоразумный выходъ Браммы изъ самого себя; въ Греціи стремленіе къ жизни создающее жизнь, оказывается, управляется Эротомъ, прекраснѣйшимъ между богами. Первый моментъ бытія есть хаосъ (*χαῖος*, *хаосъ*—зіяю, разѣваю ротъ). Различно опредѣляютъ его, какъ пространство, какъ бездну, какъ какой-то первопринципъ бытія. Безъ сомнѣнія нельзя опредѣлять хаосъ такъ, какъ часто понимаютъ его теперь, разумѣя подъ нимъ безпорядочное смѣшеніе вещей. Хаосъ Гезіода, какъ уже показываетъ филологія и что оправдывается содержаніемъ теогоніи, есть нѣчто, что можетъ и хочетъ быть наполненнымъ. Хаосъ, это—зіяющая пустота, тоскующая о томъ, чтобы стать полною. Хаосъ наполняется мракомъ. Эребъ, это—~~мракъ подъ~~

земный, ночь — мракъ надземный. Эти два вида мрака, соединившись въ объятіяхъ любви, произвели эирь и день. Эирь, это повидимому какое-то неопредѣленное брежженіе свѣта, нѣчто общеміровое. День, это—опредѣленный надземный свѣтъ. Свѣтъ выходитъ изъ мрака, какъ разсвѣтъ изъ ночи. Физическій мракъ тѣсно связанъ съ духовнымъ и генеалогія Гезіода выводитъ изъ ночи сонъ, смерть, рокъ, кару, лукавство, всѣ виды скорбей.

Боги происходятъ отъ земли и неба, которое также произведено землею. Небо (Уранъ) не имѣло культа въ греческой религіи и хотя оно выступаетъ у Гезіода какъ бы съ антропоморфными чертами и съ поразительною активностію, его дальнѣйшая роль оказывается чисто пассивною: небо— жилище боговъ. Но обычно жилищемъ боговъ называется Олимпъ. Это подало поводъ къ тому, что было развито мнѣніе, что Олимпъ тождественъ съ небомъ. Мнѣніе это, думаемъ, должно быть признано неправильнымъ. Гомеръ и Гезіодъ, говоря объ Олимпѣ несомнѣнно разумѣли гору, находящуюся на сѣверной границѣ Тессаліи (приблизительно подъ 40-ю параллелью). Она имѣетъ 9000 футовъ высоты, въ настоящее время не покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, но обычно окутана облаками. Высота этой горы достаточна для того, чтобы мыслить ее находящеюся въ тѣснѣйшей связи съ небомъ. Возможно, что многія (не говоримъ: всѣ) греческія иммиграціи представляли собою движеніе отъ этой горы къ югу, что около нея сплетались вслѣдствіе этого нити различныхъ сказаній и что съ юга взоры часто обращались къ ней. Гора боговъ была у другого арійскаго народа — у персовъ. Это Бегистанъ между Кирманшахъ и Гамаданъ, персидская Багастана—станъ боговъ. Діодоръ сицилійскій говоритъ о ней въ своей *Βιβλιοθήκη ἱστορικῆ* (11, 13, описаніе походовъ Семирамиды). Онъ называетъ ее *Βαυίστανον ὄρος* и говоритъ, что она была посвящена Юпитеру. У семитовъ, именно у вавилонянъ была гора боговъ—Карсахъ Каллама, она находится къ сѣверо-востоку отъ Тигра. Вавилоняне представляли, что прямо надъ нею находится полярная звѣзда и что около нея обращается небесный сводъ съ прикрѣпленными къ нему неподвижными звѣздами. Положеніе Олимпа относительно Греціи похоже на положеніе Карсахъ — Каллама относительно Халдеи. Возможно, что у грековъ съ Олимпомъ

связывалось представлѣніе о міровой оси, около которой вращается небо и на которой пребываютъ небожители. Впечатлѣніе, что звѣзды вращаются около Олимпа, у нихъ могло получаться естественно. Представленіе, что Олимпъ поднимается до неба, естественно также. Восхожденіе на Олимпъ повидимому должно бы было разрушить грезу о чертогахъ боговъ, но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Взорами непосвященнымъ и кощунственнымъ боги не открываютъ себя. Смертные, которые пытаются проникнуть въ тайны божественной жизни или караются, или любопытство ихъ остается неудовлетвореннымъ. Изъ того, что добравшійся до вершины Олимпа тамъ ничего не увидѣлъ, невѣрующій сдѣлалъ бы выводъ, что тамъ ничего и нѣтъ, но вѣрующій вывелъ бы только, что посѣтитель Олимпа не былъ достоинъ увидѣть то, что тамъ есть. Конечно, опытная провѣрка ложныхъ вѣрованій въ концѣ концѣ разрушаетъ ихъ, но это совершается не сразу.

Въ своей теогоніи Гезіодъ даетъ титаномахію — исторію низверженія уранидовъ кронидами. Многіе изслѣдователи и у насъ на Руси въ сравнительно недавнее время Властовъ 1) развивали теорію, что эта божественная революція отражаетъ въ себѣ революцію историческую, что новыя народности, принесшія съ собою культъ Зевса, подчинили туземцевъ себѣ, а ихъ боговъ Зевсу. Указываютъ, что именно въ гезіодовской поэзіи можно видѣть отзвукъ этого историческаго событія — скорѣе историческаго процесса, потому что онъ совершался медленно и сложными путями. Корни гезіодовской поэзіи ищутъ въ туземныхъ, неэллинскихъ вѣрованіяхъ. Золотой вѣкъ былъ при Кронѣ. При Зевсѣ дѣла идутъ неладно и явно клонятся къ упадку. Зевсъ жестоко преслѣдуетъ потомство уранида Япета. Эпиметія онъ губитъ, давши ему въ жену соблазнительную Пандору. Здѣсь хотятъ видѣть нѣчто подобное библейскому повѣствованію о томъ, какъ сыны божіи входили къ дочерямъ человѣческимъ (Быт. VI, 1—2) Что такое Пандора? Нѣчто въ родѣ іонійской гетеры: прекрасная, разукрашенная, соблазнительная, лукавая, развращенная. Эллинскіе иммигранты побѣждали пелазговъ не

1) G. Wlastoff, Proméée, Pandore et la légende des siècles. St-Petersbourg. 1883.

только посредствомъ оружія, но и посредствомъ женщинъ. Предполагаютъ, что отрицательныя черты Зевса еще смягчены въ теперешней редакціи гезіодовскихъ поэмъ посредствомъ интерполяцій. Такъ въ легендѣ о Прометее дѣло представляется въ такомъ видѣ, что Зевсъ намѣренно позволилъ ввести себя въ обманъ, но стихъ о томъ, что Зевсъ зналъ хитрость Прометея, считаютъ интерполяціей, тогда получится, что Зевсъ былъ введенъ въ обманъ Прометеемъ и за это жестоко расправился съ нимъ, т. е. получится, что у Зевса больше силы, чѣмъ ума. Въ теогоніи говорится, что Зевсъ проглотилъ Миту, чтобы узнать что добро и что зло. Этотъ стихъ о цѣли дѣянія Зевса считаютъ интерполяціей. Тогда по естественному теченію мысли получится, что Зевсъ проглотилъ Миту, чтобы избавиться отъ сына угрожавшаго его трону. Эта теофагія опять показываетъ, что Зевсъ, какъ сила, выше Зевса, какъ нравственной личности.

Мы не думаемъ настаивать на подлинности указанныхъ стиховъ, мы признаемъ, что устраненіе ихъ дѣлаетъ повѣствованіе болѣе естественнымъ и понятнымъ. Но устраненіе ихъ не спасаетъ теоріи, что въ борьбѣ боговъ отразилась борьба народовъ. Если Зевсъ иногда оказывается стоящимъ не на той высотѣ, на которой долженъ стоять верховный богъ, то Кроны и Урана повидимому никогда не поднимались до нея. Ихъ образы блѣдны, по отношенію къ своему потомству, они болѣе жестоки, чѣмъ Зевсъ даже по отношенію къ Прометею, который не былъ его потомкомъ. Въ легендѣ о золотомъ вѣкѣ фигурируетъ „воля великаго Зевса“. Въ догезіодовской поэзіи не изображается титаномахія, о ней не говорится въ поэмахъ Гомера, въ послѣгезіодовской литературѣ она развивается и разрабатывается. Такъ у Гезіода не говорится, какъ Зевсъ извлекъ на свѣтъ своихъ братьевъ проглоченныхъ Крономъ. Только у писателя 11 в. до Р. Х. Аполлодора аеинскаго сообщается, что супруга Зевса Мита дала Крону рвотное зелье, которое заставило его извергнуть изъ себя сыновей и камень проглоченный вмѣсто Зевса 1). Такимъ образомъ, титаномахія—не отзвукъ древнѣйшихъ событій, но сравнительно позднѣйшее созданіе греческаго генія.

1) *Ἀπολλόδορος, Βιβλιοθήκη*, I, 2 См у профъ Корсунскаго—Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи Примѣч на 65 стр

Борьба сыновъ Япета съ Зевсомъ, это, намъ думается, нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ борьба нищихъ духомъ туземцевъ съ богатоодаренными эллинами. Сыновья Япета, это — представители самонадѣяннаго человѣческаго разума. „Разумъ безъ страха, говоритъ Гоббесъ, приводитъ къ атеизму, страхъ безъ разума приводитъ къ суевѣріямъ“. У сыновъ Япета былъ разумъ безъ страха. Менетій былъ нечестивъ, Прометей хотѣлъ обмануть Зевса. Сыны Япета были культуртрегерами. Прометей похитилъ огонь для людей. Но нечестія, соперничества съ богами или стремленія обойтись безъ нихъ не прощаютъ боги. Эта тема широко разработана въ греческой мифологій. И мифъ о Пондорѣ получаетъ совсѣмъ иной смыслъ, чѣмъ какой въ него влагаютъ сторонники теоріи отраженія борьбы народовъ въ борьбѣ боговъ. Этотъ мифъ показываетъ, какъ легко для боговъ справляться съ людьми и какъ ничтожны люди. Одной красивой женщинѣ оказалось достаточно, чтобъ свергнуть человѣчество въ неисчислимыя бѣды. Но точка зрѣнія поэта-моралиста на женщину и происходящія отъ нея бѣды иная, чѣмъ у Гомера. Гезіодъ говоритъ то, что почти черезъ два тысячелѣтія послѣ него на Руси повторилъ Даніилъ заточникъ.

Зевсъ старше своей родословной. Это, по нашему мнѣнію, открывается изъ поэмъ Гомера, еще яснѣе это открывается изъ поэмъ Гезіода, не смотря на то, что въ нихъ родословная Зевса впервые выступаетъ въ разработанномъ видѣ. Зевсъ Гезіода, какъ и Зевсъ Гомера, двойствененъ, то онъ — единый верховной богъ, то онъ — временный конституціонный царь боговъ. Воля великаго Зевса у Гезіода является абсолютно рѣшающимъ началомъ, и эта воля въ теогоническомъ процессѣ выступаетъ ранѣе, чѣмъ рождается Зевсъ. Кронъ зналъ, что по опредѣленію великаго Зевса ему суждено быть побѣжденнымъ собственнымъ сыномъ. Получается впечатлѣніе, что космогоническій и теогоническій процессы совершаются по волѣ Зевса, этою волею опредѣляется и исторія человѣчества. Согласно этой волѣ Зевсъ и является въ процессѣ. *Айса* (судьба) у Гезіода совсѣмъ не противопоставляется волѣ Зевса. Мы указали, что Мойра представляется дочерью Зевса, но рядомъ съ этимъ Мойры представляются дочерьми ночи и Тихе (счастье, счастливый случай) — дочерью океана и Тиѳъ. Какъ будто еще что-то въ міровой исторіи хотеть

идти помимо воли Зевса, но и это можетъ быть истолковано, какъ самоограниченіе Зевса по его собственной волѣ. Вѣчность и всемогущество Зевса рѣшительно и многократно утверждаются Гезіодомъ. Вѣчно сущими и вѣчно рожденными называются и вообще боги. Отсюда слѣдуетъ выводъ, что теогоническій процессъ у Гезіода, какъ это мы признали и у Гомера, есть процессъ внѣвременный.

Но есть у Гезіода нѣчто, что набрасываетъ сильную тѣнь на абсолютность Зевса. Что-то грозитъ Зевсу. Проф. Зѣлинскій ¹⁾ приписываетъ Гезіоду такую теорію. Зевсу и другимъ богамъ грозитъ гибель въ борьбѣ съ сынами земли—гигантами, но Зевсъ вывѣдалъ, что богочеловѣкъ можетъ спасти боговъ и вотъ:

Новую думу задумалъ въ душѣ своей, чтобъ и бессмерт-
нымъ

И земнороднымъ создать отвратителя злого проклятья.

Слова эти, которыхъ авторъ не цитируетъ, представляютъ собою переводъ 27—29 стиховъ „Щита Геракла“, причемъ послѣднія три слова соотвѣтствуютъ греческимъ *ἀοῆς ἀλκίῃρα*. Зевсъ задумалъ произвести того, кто отразитъ Арея, отвратить гибель, проклятье. Текстъ не уполномочиваетъ заключать, что проклятье или гибель грозили богамъ. Дальнѣйшее повѣствованіе заставляетъ толковать эти слова такъ: Зевсъ задумалъ поразить сына Ареева—Кикна, который грабилъ и убивалъ въ Фессаліи пилигримовъ приходившихъ къ святилищу Аполлона. Съ этою цѣлью Зевсъ спустился къ Алкмеѣ и родилъ отъ нея Геракла. Только привлекая позднѣйшую литературу въ видѣ комментарія къ поэмамъ Гезіода, можно говорить объ идеѣ спасителя боговъ и людей. Привлечь къ Гезіоду нужно Эсхила. Въ поэмахъ Эсхила (*Προμηθεὺς προορόφος*, *Προμ. δεσμώτης*, *Προμ. Λυόμενος*) сохранившихся только отчасти развивается мысль, что вслѣдствіе проклятія Крона Зевсу грозитъ низверженіе, если онъ вступить въ бракъ, о которомъ помышляетъ. Потомокъ отъ этого брака низвергнетъ его. Ненужно вступать въ этотъ бракъ и тогда могущество Зевса сохранится. Прометей знаетъ эту тайну. Зевсъ знаетъ только, что нѣчто грозитъ ему и что

1) Зѣлинскій Ф. Ф., характеръ античной религіи въ сравненіи съ христіанствомъ (Русская мысль. 1908. № 2, стр. 80—95).

Прометей знаетъ какъ предотвратить опасность. Зевсъ хочеть вывѣдать тайну упрямаго титана, но не смотря на жесточайшія муки, Прометей хранитъ молчаніе. Но когда проходятъ тысячелѣтія, когда смягчается Зевсъ и утомляется измученный титанъ, между ними происходитъ примиреніе. Получившій отъ отравленной стрѣлы неизлѣчимую рану центавръ Хиронъ соглашается умереть за Прометея, Гераклъ убиваетъ орла, который мучилъ Прометея, и снимаетъ оковы съ титана. Прометей открываетъ тайну присланному Гермесу. Если Зевсъ вступить въ бракъ съ Ѳетидой, дочерью Нереея, то отъ этого брака родится сынъ болѣе могучій и сильный, чѣмъ отецъ. Чтобы этого не случилось, пусть Зевсъ выдаетъ Ѳетиду за вождя ахейнъ Пелея. Этотъ бракъ и былъ заключенъ. Плодомъ этого брака былъ Ахиллесъ. На этомъ бракѣ произошло примиреніе боговъ съ титанами. Не все ясно у Эсхила. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ у него, что опасность грозившая Зевсу была вѣвѣ историческою. Эта опасность могла бы превратиться въ дѣйствительное паденіе Зевса, если бы теогоническій процессъ принялъ иное направленіе, чѣмъ какое онъ имѣлъ. Если бы осуществился союзъ, который не осуществился. Теогонія Гезіода не говоритъ о возможности этого союза. Освобожденіе Прометея, по теогоніи, совершилось не безъ воли Зевса ради славы Геракла. Эти положенія теогоніи обнаруживаютъ совсѣмъ иное пониманіе факта, чѣмъ какое мы находимъ у Эсхила. Затѣмъ должно замѣтить, что неудобно играть терминомъ богочеловѣкъ въ примѣненіи къ Гераклу. Богочеловѣкъ—богословскій терминъ, прилагаемый къ Іисусу Христу, въ которомъ вѣрующее сознаніе признаетъ совмѣстное существованіе двухъ природъ — божеской и человѣческой. Такого богочеловѣка не знаетъ греческая религія. Она знаетъ людей, которые были сыновьями боговъ, знаетъ героевъ, полубоговъ, людей, которымъ стали оказывать божескія почести, но она не знаетъ никого, въ комъ существовали бы совмѣстно двѣ природы. Смѣшеніе природъ греческая религія знаетъ, но соединенія природъ—нѣтъ.

По Гезіоду въ теогоническомъ процессѣ Зевсу грозилъ Тифоей (=Теононь), бурный вѣтеръ. Но эта опасность отвращена. Эта опасность, пожалуй, аналогична опасности отъ сына Ѳетиды. Ѳетиды—внучка Понта—безплодной пучины. И

потомство Понта и Тифоей могли грозить благоустроению міра — космическому процессу и предотвращенію опасности отъ нихъ могло являться торжествомъ благоустройства. Поразивъ одного и не женившись надругой, Зевсъ содѣйствовалъ тѣмъ созданію космическаго порядка. Но у Гезіода говорится объ иной опасности угрожающей Зевсу. Сынъ Миты — мудрости долженъ стать царемъ боговъ и людей. Чтобы этого не случилось, Зевсъ проглотилъ Миту. Но отвратилъ ли Зевсъ опасность? Было опредѣлено, что отъ Миты родятся мудрая дочь и владыка сынъ. Хотя Зевсъ скрылъ Миту въ своемъ чревѣ, однако мудрая Аѣина вышла изъ его головы, не выйдетъ ли когда-нибудь подобнымъ образомъ и сынъ — царь боговъ и людей? Теогонія не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Она даже не говоритъ прямо, что Зевсъ хотѣлъ отвратить опасность. Кѣмъ было опредѣлено и могло ли исполниться опредѣленіе о сынѣ Зевса, все это неясно въ поэмѣ. Въ этомъ мѣстѣ теогоніи мы имѣемъ дѣло съ отзвукомъ мистическихъ ученій. Мита — мудрость. Поглощеніе мудрости, оставляя въ сторонѣ стихъ считающійся интерполяціей, имѣетъ своимъ результатомъ ея усвоеніе. Зевсъ лично усваиваетъ мудрость, этимъ онъ замедляетъ проявленіе ея внѣ прежде всего въ лицѣ Аѣины, рожденіе которой повидимому чрезъ это отодвигается, но въ концѣ концовъ Аѣина рождена. Не родится ли въ концѣ и сынъ болѣе мудрый, чѣмъ Зевсъ? По мысли поэмы отъ этого рожденія не можетъ быть хуже ни богамъ, ни людямъ. Грядущее царство мудрости должно обѣщать счастье. Но должно признать, что этотъ отрывокъ поэмы неясный, безъ конца стоитъ обособленно и несогласованъ со всею поэзіею Гезіода.

Какъ будто элементы какого-то мистическаго міросозерцанія въ общемъ чуждаго Гезіоду, можетъ быть неяснаго для пѣвца и непонятаго имъ прорывались въ его поэмы. Это чувствуется въ повѣствованіи объ отношеніяхъ Зевса къ Митѣ. Это слышится также въ рѣчи Гезіода объ Эротѣ. Эроть — богъ любви, который обычно поставляется около Афродиты, который представляется ея сыномъ, который и у Гезіода слѣдуетъ за Афродитой, выступаетъ у него еще въ иной роли. Эроть поставляется у него въ началѣ всего, какъ хаосъ, земля. Онъ представляется самосущимъ богомъ, онъ

сила любви, желанія, стремленія. Онъ не создаетъ ничего, онъ успокоеваетъ, даетъ совѣты, управляетъ чувствами. Но онъ—духовный принципъ соединенія. Любовь соединяетъ и упорядочиваетъ разрозненное, любовь создаетъ гармонию, слѣдовательно, красоту, и Эротъ называется у Гезіода прекраснѣйшимъ между богами. Гомеръ не говоритъ объ Эротѣ. Но у восточныхъ арійцевъ—индусовъ въ 129 гимнѣ риг-веды мы находимъ, что въ Единомъ „въ первый разъ возбудилось стремленіе (желаніе), это было первое сѣмя духа“. Здѣсь стремленіе, желаніе—также сила Эрота, сила духовная, мистическая. И у Гезіода бросается мысль, очевидно издавна бывшая и никогда не умиравшая у арійцевъ, объ этой мистической, духовной, организующей силѣ. Но мистическія ученія—эсотерическія, а теологія Гезіода—эксотерическая, слова о Эротѣ у него не имѣютъ органической связи съ поэмой и могутъ (120—122 стихи теогоніи) быть выброшены безъ ущерба для смысла цѣлаго.

Въ ряду божествъ Гезіодъ отводитъ важное мѣсто Гекатѣ. Гомеръ не упоминаетъ о ней. Полагаютъ, что и у Гезіода вся рѣчь о Гекатѣ (411—452 ст.) представляютъ собою интерполяцію орфиковъ. Но едва ли нужно предполагать это. Геката почиталась во многихъ мѣстныхъ культурахъ, несомнѣнно она сближалась съ луной. Иногда она смѣшивалась съ Артемидой, которая тоже почиталась, какъ божество луны и ночи и даже называлась Гекатой. По неизвѣстнымъ можетъ быть мѣстнымъ причинамъ могущество Гекаты расширилось. Она стала представляться распоряжающеюся на небѣ, землѣ и морѣ, отсюда ея названіе *τρίμορφος* и ея изображенія съ тремя головами (лошадиной, собачьей и львиной) и даже съ тремя туловищами, хотя рядомъ съ этимъ она изображалась и съ единымъ лицомъ и однимъ тѣломъ¹⁾. Широко распространенный культъ Гекаты, приписываемое ей громадное могущество обязывали боугійскаго богослова ввести ее въ свою систему, опредѣлить ея роль; ея значеніе онъ объяснялъ тѣмъ, что Зевсъ ничего у ней не отнял и почтилъ ее предъ всего богами. Но почему? Теогонія молчитъ объ этомъ. Почему почтена другая богиня—Стиксъ, миеологія даетъ объясненіе. Стиксъ съ своими дѣтьми по-

¹⁾ Павсанія, *op. cit.* II, 30, 2. стр. 300—301

спѣшила на помощь къ Зевсу въ его борьбѣ съ титанами и дала Зевсу свою дочь Nike (побѣду) ¹⁾. Но причины возвышенія Гекаты не объяснены.

Гезіодъ говоритъ о демонахъ. У Гомера слово „демонъ“ не рѣдко оказывается тождественнымъ съ словомъ „богъ“. Только демонъ Гомера обычно нѣчто неопредѣленное, имѣющее однако значеніе божественнаго провидѣнія. Гезіодъ даетъ болѣе опредѣленное ученіе о демонахъ, обособляя ихъ отъ боговъ. Плутархъ въ своемъ трактатѣ „о причинахъ прекращенія оракуловъ“ писалъ: „Гезіодъ первый ясно установилъ четыре типа разумныхъ существъ населяющихъ вселенную: во главѣ боги, потомъ большое число добрыхъ деменовъ, затѣмъ герои или полубоги и наконецъ люди ²⁾. Добрыми демонами по Гезіоду стали послѣ своей смерти люди золотого вѣка. Но не одни они. Въ теогоніи читаемъ, что Афродита сдѣлала Фаетона, сына Кефала, божественнымъ демономъ. Теогонія говоритъ объ одномъ случаѣ, но никакъ нельзя думать, чтобы онъ былъ единственнымъ. Гезіодъ отличается отъ Гомера тѣмъ, что демонъ у него всегда не богъ. Демонъ, это—смертный пріобрѣтшій безсмертіе и нѣчто божественное. Отличаются демоны и отъ героев или полубоговъ. Послѣдніе по Гезіоду блаженны, но наслаждаются блаженствомъ вдали отъ людей и повидимому не находятся съ ними въ сношеніяхъ. Наоборотъ, демоны наблюдаютъ за людьми и заботятся о нихъ. Демоны близки отъ людей, хотя и невидимы ими. Герои, хотя должно быть имѣютъ видимыя формы, далеки отъ людей. Демоны—умершіе люди. Это повидимому подсказываетъ мысль о культѣ предковъ. Но люди золотого вѣка—не предки людей вѣка желѣзнаго. Это однако не исключаетъ возможности того, что между демонами были и предки послѣднихъ. Допустимо, что и полубоги, являющіеся въ общемъ предками людей желѣзнаго вѣка, могли осуществлять демоническія функціи. Для этого нужно только допустить возможность ихъ двойственнаго существованія: съ одной стороны—на блаженныхъ островахъ, съ другой—около людей. Но во всякомъ случаѣ Ге-

1) Roscher, Ausführliches Lexikon d. griechisch. und römisch Mytholog ³/₁. Nike. S 306.

2) J.—A. Hild, Étude sur les démons. Paris 1881 p. 106.

зѣодъ выводитъ особый классъ существъ, наблюдающихъ за осуществленіемъ людьми правды и неправды и заботящихся о людяхъ. Этотъ классъ—метаморфозированные люди, демоны. Любопытно одно сообщеніе Плутарха о воззрѣніяхъ Гезіода на демоновъ. Въ своемъ разсужденіи „о причинахъ прекращенія оракуловъ“ онъ сохранилъ отрывокъ изъ (Эей ('*Ноіαι*) Гезіода¹⁾, гдѣ одна изъ наяды говоритъ: „крикливая ворона живетъ въ девять разъ больше, чѣмъ достигшіе старчества люди. Олень жеветъ въ четыре раза дольше вороны. Воронъ трижды превосходитъ старость оленя, Фениксъ живетъ въ девять разъ долѣе ворона, а мы—прекрасноволосыя нимфы, дочери эгидодержавнаго Зевса, живемъ въ десять разъ долѣе Феникса“. Если мы за нормальную продолжительность человѣческой жизни примемъ 80 лѣтъ, то продолжительность жизни нимфъ будетъ $=80 \times 9 \times 4 \times 3 \times 9 \times 10 = 777,600$ годамъ. Велика эта цифра, но она—ничто въ сравненіи съ безсмертіемъ. Получается, что нимфы въ міровой исторіи также прейдутъ, какъ и однодневныя бабочки. Но Плутархъ прибавилъ къ словамъ наяды: Гезіодъ также вѣрилъ, что сами демоны умираютъ по истеченіи нѣкотораго опредѣленнаго періода времени“²⁾. Вѣрно ли это или нѣтъ? Изъ смертности нимфъ имѣющихъ высшее происхожденіе, чѣмъ демоны, естественно конечно заключать къ смертности демоновъ. Это съ теоретической точки зрѣнія. Практически продолжительность жизни въ сотни тысячъ лѣтъ Гезіодъ съ своей точки зрѣнія имѣлъ право назвать безсмертіемъ. Идея смертности богоподобныхъ существъ развивается и въ послѣдующее время въ Греціи. Встрѣчается эта идея уже въ древне-арійской поэзіи. Въ риг—ведѣ дэвы, эти низшія божества, представляются старѣющимися и подчиненными смерти.³⁾

И боги и демоны по Гезіоду называютъ за людьми и управляютъ ими. Процессъ міровой и человѣческой исторіи у Гезіода не представляется прямолинейнымъ. Онъ сложенъ

1) Творенія Гезіода. Цитирован. издан. Лерса. Стр. 58.

2) J—A. Hild. op. cit. p. 110. У него же статья о демонахъ въ Daremberg et Saglio—Dictionnaire des antiquités grecques et romaines T. 2. Dæmon. Ср. также разсужденіе о демонахъ Гезіода у Rohde—Psyche Dritte Auflage. 1903. I B. S. 95—98.

3) Hild, op. cit. ibid.

и многообразенъ. На землѣ дѣло идетъ какъ бы къ торжеству зла, но иногда бывали и повороты къ добру. Затѣмъ торжество зла на землѣ не можетъ особенно страшить, уже потому что оно вмѣстѣ будетъ и гибелью зла. Зевсъ уничтожить людей забывшихъ о стыдѣ и правосудіи. Потомъ участь людей не кончается вообще тѣмъ, что они будутъ скрыты землею. Зевсъ можетъ дать имъ жизнь въ новой формѣ. Конечная судьба можетъ зависѣть отъ дѣлъ. Бео-тійскій геологъ настаиваетъ на томъ, что должно соблюдать правду. Соблюденіе правды по его воззрѣніямъ должно имѣть утилитарное значеніе. Правда выгодна. Неправда можетъ торжествовать лишь недолго. Но въ концѣ концовъ что ожидаетъ людей за ихъ правду и неправду? Какова эсхатология Гезіода? Гезіодъ даетъ описаніе тартара и царства храбраго Аида и страшной Персефоны. Нѣкоторые ¹⁾ полагаютъ, что это—только домыслы поэта, а не выраженіе народныхъ вѣрованій. Сложныя представленія Гезіода противопологаютъ простой и ясной концепціи Гомера сводящейся къ тому, что умершіе влачатъ тѣневое, безсознательное существованіе. Но мы видѣли, что такое толкованіе Гомера можно получить лишь путемъ изуродованія его поэмъ. На самомъ дѣлѣ представленія о загробной жизни никогда не могутъ быть ясны и просты. И представленія Гезіода вовсе не являются его личнымъ домысломъ. Тогда они вѣроятно были бы гораздо отчетливѣе, но теперь они неясны, потому что представленія создаваемые коллективно въ большинствѣ случаевъ неясны. За всѣмъ тѣмъ они не расходятся съ гомеровскими представленіями больше, чѣмъ сколько Гомеръ расходится съ самимъ собой.

Но интересъ изслѣдователя религіи конечно сосредоточивается не на описаніяхъ апартаментовъ адскаго царя, а на религіозно-нравственной сторонѣ дѣла. Какова жизнь по смерти и почему она та или иная? Гезіодъ въ этомъ отношеніи мало прибавляетъ къ Гомеру. Можно полагать, что возмездіе вообще—хотя и не въ очень щепетильной формѣ существуетъ. Гомеровское возмездіе, мы видѣли, подобно человѣческому правосудію. Таково повидимому и возмездіе

¹⁾ А. М. Митрополь, Картины загробной жизни въ греческой живописи на вазахъ стр 48

у Гезіода. Но и человѣческое правосудіе бываетъ различное и намъ представляется, что гезіодовскій судъ снисходительнѣе, чѣмъ судъ Гомера. Оказывается, что въ самой преисподней можно вести блаженное существованіе и что такое тамъ и ведутъ люди серебрянаго вѣка. Они не почитали боговъ, и однако имъ подобаетъ нѣкоторая честь. Подвизавшихся подъ Троею героевъ Гезіодъ всѣхъ отправляетъ на острова блаженныхъ, между тѣмъ какъ Гомеръ повидимому предназначилъ для нихъ одного Менелая. Даже Прометея, который упорно стремился досаждать владыкѣ боговъ, освобождаетъ отъ страданій по волѣ этого владыки: его сынъ Гераклъ, и Гезіодъ не говоритъ, чтобы за это освобожденіе Прометей оплатилъ чѣмъ-нибудь Зевсу. Картины адскихъ мученій нѣтъ у Гезіода. Можно сказать, что сравнительно съ Гомеромъ у Гезіода земля и адъ помѣнялись ролями. У Гомера Ахиллесъ тосковалъ по землѣ, но теперь оказывается „наполнена зломъ земля“, а Ахиллесъ проводитъ пріятную жизнь „у предѣловъ земли, у потоковъ океана“.

Гезіодъ не былъ творцомъ. Онъ былъ систематикомъ. Его теогонія есть опытъ систематическаго богословія. Откуда взяты форма и содержаніе этого богословія? Уже въ ригведѣ говорится о теогоническомъ и космогоническомъ процессѣ. Много указаній на него имѣется у Гомера. Но въ эту эпоху были уже разработанныя теогоніи и космогоніи—ассириовавилонскія, египетскія, финикійскія. Въ Беотіи было не мало финикійскихъ стоянокъ и, несомнѣнно, семито-хамитическія сказанія были извѣстны эллинамъ. Они могли подсказать беотійскому богослову канву, на которой онъ вышилъ свою теогонію, но содержаніе теогоніи было дано всецѣло эллинскими сказаніями ¹⁾ Вѣдь теогонію Гезіода можно всецѣло вывести изъ Гомера.

Упрекъ въ нечестіи, который порою бросаютъ Гезіоду, имѣетъ для себя несравненно меньше основаній чѣмъ тотъ же

¹⁾ Ср теогонію Гезіода съ теогоніями ассириовавилонскими, египетскими и финикійскими См. С. Глаголева—Очерки по исторіи религій Ч. I. Религіи древнѣйшихъ культурныхъ народовъ. Стр 56—62, 101—106, 210—216 Относительно финикійскихъ теокосмогоній нужно замѣтить, что ихъ сравнительно значительная близость къ греческой объясняется тѣмъ, что мы имѣемъ ихъ въ греческомъ изложеніи и, конечно, въ сущности, въ греческой переработкѣ.

упрекъ обращенный къ Гомеру, хотя по существу онъ несправедливъ и по отношенію къ послѣднему. Гезіодъ, не могъ быть нечестивымъ по отношенію къ богамъ уже потому, что у него нѣтъ смѣлости. Говорятъ, что онъ приписываетъ богамъ недостойныя дѣянія. У боговъ и богинь оказывается много супружескихъ союзовъ. Но нужно вникнуть въ смыслъ этихъ союзовъ. Это, вѣдь,—не развратъ, не удовлетвореніе мелкой похоти, неслучайныя легкомысленныя приключенія. Союзы заключаются для высшихъ цѣлей, для возвышенія и облагодѣтельствованія человѣчества. Зевсъ нисходитъ къ Алкменѣ, чтобы родить совершителя великихъ подвиговъ Геракла. Деметра соединяется съ Язіономъ, чтобы родить Плутона, т.-е. богатство, матеріальное благополучіе для людей. Половыя соединенія символизируютъ или отражаютъ въ себѣ союзы съ высоко благодѣтельными цѣлями. И Гезіодъ говоритъ о нихъ въ почтительно благочестивомъ тонѣ 1).

Гезіодъ вышелъ изъ Гомера. Но не говоря о различіи генія, между ними есть глубокое моральное различіе. При сравненіи ихъ въ этомъ отношеніи невольно вспоминается Ницше. Филологъ по образованію Ницше можетъ быть создалъ свою теорію двухъ видовъ морали, имѣя въ виду примѣры Гомера и Гезіода. Есть по Ницше мораль господъ, которая презираетъ зло, и есть мораль рабовъ, которая боится зла. Герои Гомера, это—господа. Ахиллесъ не боится смерти. Съ точки зрѣнія троянскихъ старцевъ красота Елены стоитъ того, чтобы изъ за нея пролить море крови. Иное мы слышимъ у Гезіода. Не давай тому, кто не даетъ самъ. Подлаживайся къ сосѣду. Берегись красивой жены. Наблюдай примѣты. Здѣсь нѣтъ смѣлаго полета свободнаго духа, нѣтъ призыва къ великимъ подвигамъ. Здѣсь осторожность

1) Краткія свѣдѣнія о Гезіодѣ, его поэзіи и изслѣдованіяхъ о ней см. у Любкера, *op. cit.* стр. 481. Изъ новѣйшихъ курсовъ по исторіи греческой литературы у А. и М. Круазе (перев. Радцига)—Гезіодъ и гезіодическая поэзія, стр. 81—108. Перечень переводовъ и комментаріевъ къ Гезіоду см. у Прозорова—Систематическій указатель книгъ и статей по греческой филологіи. С-Пб 1898 стр. 20—21. Въ этомъ трудѣ показаны и работы на русскомъ языкѣ по 1895 г., имѣющія своимъ предметомъ вполне или отчасти поэзію Гезіода.

труса, расчетъ недалекаго человѣка. У Гомера, несмотря на то, что подчеркивается владычество судьбы, мы видимъ могучія проявленія свободы. У Гезіода, не смотря на то, что судьба отступаетъ на задній планъ, постоянно встрѣчаются выраженія горькаго чувства зависимости, которой пѣвецъ приглашаетъ безусловно подчиняться. У Гомера—мораль героевъ. У Гезіода—мораль житейской мудрости.

С. Глаголевъ.
